

АЛЬБИНА ПОТАПОВА

“КОГДА МОЕЙ ДУШЕ СОЙДЕТ УСПОКОЕНЫЕ...”

Рубцов и православие. – Москва, 2009 год, издательский дом “К единству”, составитель доктор философских наук, профессор В. А. Алексеев.

Сборник представляет собой удивительный сплав статей, размышлений, воспоминаний современников Н. Рубцова и представителей последующих поколений о месте, роли и значении в творчестве поэта православных заповедей. Так, один из авторов подчеркивает, что этот вопрос становится “одним из центральных в современном рубцовеведении” (А. Киров). Некоторые исследователи и поклонники творчества Н. М. Рубцова, возможно, опрометчиво говорят о воцерковленности поэта. В широком смысле воцерковленность подразумевает приобщение человека к христианской традиции и церковной жизни.

Активно отстаивают свою точку зрения и утверждающие генетическую близость поэзии Рубцова к язычеству. Сторонники каждой находят у поэта множество аргументов в свою защиту. В нашу задачу не входит анализ полемики на эту тему. Наверное, ответ на этот вопрос дает нам сама биография Рубцова – сироты, скитальца, философа и правдолюбца.

Николай Рубцов рос и жил в атеистическую эпоху. Обстоятельства его сиротской судьбы объективно не могли привить будущему поэту веры в Бога с младенческих лет. Его детство прошло вблизи разрушенного храма под мелодии бравурных песен-маршей и сводок Информбюро. Юность пролетела в шумных общежитиях и матросском кубрике. А сколько времени в зрелые годы было потрачено поэтом на хождения по многочисленным редакциям, стычки с многочисленными чиновниками от литературы и партийными функционерами, требующими соответствия т. н. текущему моменту?

Тем парадоксальней тот факт, что в стихах Рубцова зазвучали слова о душе, вере. Зазвучали негромко, но искренно и трепетно. Именно исповедальные строки о России, ее истории, разрушенных храмах и заросших бурьяном погостах оказались по силе воздействия на читателя и слушателя самыми сильными.

В предисловии к сборнику В. А. Алексеев пишет: “...целомудренная и эстетически безупречная лира Николая Рубцова почти не упоминает имени Божьего всуе, само присутствие Божие в его поэзии совершенно очевидно”.

Вторит ему поэт и исследователь А. Грунтовский: “Быть может, все чудо Рубцова только в том и состоит, что он сумел передать ощущение благодати

Божией, разлитой в природе и в человеке. Не удумать об этом, не вычитать где-то, не имитировать, как иные стихослагатели, а ощутить и выразить”.

О стихии ветра, стихии света в поэзии Рубцова писал В. В. Кожин. Вероятно, можно говорить и о стихии православной веры в лирике поэта. Кстати, удачным решением составителя является включение в новое издание “старых” работ знаменитых литературных критиков В. Кожина, В. Оботурова, В. Чалмаева, А. Ланщикова, Ю. Селезнева. Таким образом, тема “Рубцов и православие” не изымается из общего контекста разговора о творчестве поэта. Неразрывная связь лирики Рубцова с традициями русской литературы рассматривается через призму философии, фольклора, истории, литературы России. К тому же читателям предоставляется еще одна возможность познакомиться с исследованиями корифеев советского литературоведения. Многие из приведенных статей давно не переиздавались, стали сегодня библиографической редкостью.

Включены в сборник работы молодого поколения исследователей литературы (А. Грунтовский, А. Висков, А. Киров). Статьи необычайно интересные, наполненные сравнениями с фольклорными и религиозными текстами, философскими раздумьями о ментальности русской поэзии.

Христианские заповеди осмыслялись Николаем Рубцовым как “самая жгучая, самая смертная связь”, память предков. Поэт исповедуется в своих стихах, совершая христианское таинство от лица практически нескольких поколений россиян, отлученных от веры.

Возможно, именно в “стихийном” православии поэта кроется ответ на вопрос: почему так любима и востребована народом поэзия Николая Рубцова? Покаяние поэта трогает души его современников и потомков. Заставляет задуматься о вечном, о вере, что воспринималось нашими предками как незыблемая основа бытия человеческого.

В словаре языка и рифм Н. М. Рубцова (автор-составитель профессор М. И. Сидоренко) названо одно из наиболее употребляемых слов в творчестве поэта (как по принципу частотности, так и по принципу многообразия лексических значений) – слово “**ДУША**”.

Нравственное ядро его творчества не лежит на поверхности, не является сиюминутным ответом на злобу дня, оно затрагивает глубинные пласты народной философии, истории, православия. В этих сферах жизни народной нельзя лукавить, ловчить, фальшивить, писать что-либо “по решению пленума...”.

Авторы сборника много цитируют Рубцова. Каждый из них нашел свои строки, воплотившие, по их мнению, православные традиции в русской поэзии. Несомненным достоинством сборника “Рубцов и православие” стало включение в него огромного массива стихов поэта (около 100 страниц текста). Из них видно, что нравственная непреложность христианских заповедей никогда не ставилась поэтом под сомнение. После прочтения этого сборника о творчестве поэта можно сказать его же словами: “Поверьте мне: я чист душой”.

У сборника большой авторский коллектив: знаменитые поэты, писатели, известные литературные критики, публицисты, литературоведы, философы. В том числе и священнослужители: архиепископ Вологодский и Великоустюжский Максимилиан, протоиерей Александр Никулин.

Особый интерес представляют, несомненно, размышления священнослужителей. Предлагаем вниманию читателей работу священника храма Воскресения Дзержинского благочинного округа Нижегородской епархии, иерея **о. Сергея Муратова**.

О. Сергей Муратов

“Судьба – Суд Божий”

(Размышления о поэзии Н. М. Рубцова).

С поэзией Николая Рубцова я познакомился в середине 70-х годов. Сейчас уже трудно вспомнить ощущения, которые переживались от соприкосновения с рубцовским стихом. Да и нужно ли? Меня, по сути еще совсем молодого человека, мало что понимающего в жизни, тронули его стихи. Я интуитивно чувствовал, что этот человек многих мог согреть, оставаясь холодным для себя самого.

Насколько религиозны его стихи? Над этим вопросом я как-то не задумывался. Какая религиозность? О чем вы?.. Но для его друзей тогда это не было секретом.

Сегодня перечитываю предисловие к его сборнику стихов, написанное Вадимом Кожинным, его слова о том, что для Рубцова было характерно самоуглубление такой силы, что привело его от воспевания красоты родной земли к Вифлеемской звезде, к нравственным ценностям.

Я ловлю себя на мысли, что поэзия вообще не может быть вне религии, т. е. вне отношений человека с Богом. Правда, в то время открыто об этом сказать было невозможно, но вот как об этом рассуждал В. Кожин: “Самый, пожалуй, неоспоримый признак истинной поэзии — ее способность вызывать ощущения самородности, нерукотворности, безначальности стиха; мнится, что стихи эти никто не создавал, что поэт только извлек их из вечной жизни родного слова. Где они всегда, — хотя и скрытно, тайно, — пребывали”.

Сам Рубцов открыто сказал об этой своей способности, своем призвании слышать живущее в глубинах бытия полное смысла звучание: “И пенья нет, но ясно слышу я / Незримых певчих пенье хорое..” (“Привет, Россия”). Можно было бы принять это за поэтическую форму выражения, если бы на сегодняшний день я не знал то, что в то время мне было неизвестно и непостижимо. Есть храмы, где некоторым прихожанам Господь дает возможность услышать ангельское пение. Мне доводилось служить в таком храме в селе Нуча Ардатовского района Нижегородской области.

А его обобщающие строки о Поэзии (с большой буквы, заметьте) не иначе воспринимаются, как мысли о Боге, о Его Предвечном Слове, Логосе, от Животворящей Силы которого мы всецело зависим:

*...Звенит — ее не остановишь!
А замолчит — напрасно стонешь,
Она незрима и вольна.
Прославит нас или унизит,
Но все равно возьмет свое!
И не она от нас зависит,
А мы зависим от нее...*

И, действительно, принимая внутренне боговодство, поэт одно из своих стихотворений и начинает так:

*О чем писать?
На то не наша воля!*

При кажущейся, на первый взгляд, простоте и лиричности поэзия Николая Рубцова сложна по-своему и богата глубоким смыслом, раскрывающимся по мере проникновения в нее с течением времени.

В стихах Рубцова мы соприкасаемся с бездонностью Евангельских образов. И только опираясь на них, можно еще больше проникнуть в глубину рубцовского стиха. При первом знакомстве со стихами “Старик”, “Зимним вечером”, “Я люблю судьбу свою...” не сразу можно угадать их внутреннюю связь. Это как бы зарисовки с натуры. Об их родстве, единстве говорит то, что это наша жизнь во всех ее свойственных человеку страстных проявлениях. Но образ одинокого старика, своей любовью объемлющего весь мир, с его смирением, граничащим с жертвенностью — простить все обиды, забыть о зле, причиненном ему людьми (“Не помнит он, что было прежде, и не боится черных туч...”), — это образ России, Родины, которую вот уже сколько десятилетий распинают и насилуют. А она все прощает своим неразумным детям, потому что сильна Богом.

Мимолетно прозвучат слова первых строф стихотворения “Зимним вечером” — “хлев”, “солома”, “огонек”, и невольно возникают рождественские ассоциации, навевающие воспоминания о пришедшем в мир Спасителе во мраке языческой ночи, о Святом семействе, не нашедшем нигде приюта в зимнюю стужу, кроме хлева, где жующие солому тельцы согревали своим дыханием Богомладенца.

А вот образы “сеющего” и “жнущего”:

*Все умрем, но есть резон
В том, что ты рожден поэтом.
А другой жнецом рожден...
Все уйдем.
Но суть не в этом...*

Эти строки напрямую дают нам свидетельство того, что Рубцов отталкивался от библейского, Евангельского мироощущения. Вот строчки из книги Иова: “Пусть я сею, а другой ест” (31.8). Правда, стоит заметить, что в первоисточнике они произносятся в контексте покаяния, но и это состояние души свойственно поэту: “Мы сваливать не вправе вину свою на жизнь...”. И если поэт о “другом” говорит как о жнеце, то нет сомнения, что он имеет в виду своего читателя, пожинаящего плоды, посеянные автором. И об их духовном единстве свидетельствуют Евангельские строки: “...И сеющий и жнущий вместе радоваться будут, ибо в этом случае справедливо изречение: **один сеет, а другой жнет**” (Ин. 36-37).

Не случайно в финале, вместо слова “умрем”, Рубцов выбирает слово “уйдем”, потому что и себя он ощущает зерном, которое уходит в землю, но не только для того, чтобы умереть, но и возвратиться к жизни, как возвращается к жизни добрый колос, богатый спелым зерном. Вся поэзия Николая Рубцова пронизана христианскими символами Воскресения, и его стихотворение “Плыть, плыть...” заканчивается знаменующими словами:

*Где я зарыт, спроси
Жителей дальних мест,
Каждому на Руси
Памятник — добрый крест!*